

В это время отец Чэнь, находившийся в офисе, получив звонок от жены, немедленно и с мрачным лицом прервал совещание. Он поспешил домой, обнял плачущих жену и сына, параллельно задействуя все свои связи.

К счастью, всё произошло не слишком поздно, и у того человека осталась хоть капля совести.

Когда полиция вышибла дверь, маленький Чэнь Нянь сидел на руках у среднего мужчины, который кормил его.

Родители, ворвавшиеся следом, тут же заключили ребенка в объятия. Отец Чэнь, всегда статный и высокий, тут же согнулся, осматривая тело младшего сына. Убедившись, что с ним не случилось ничего ужасного, он лишь спустя долгое время выдохнул.

Затем его глаза-фениксы слегка сузились, губы сжались. Этот всегда мягкий и элегантный мужчина одним ударом сбил с ног отвратительного мужчину.

— Почему ты тронул моего сына?

Средний мужчина хихикнул. Он смотрел на ребенка, который весь спрятался в объятиях матери Чэнь, и его жадный взгляд словно прилип к обнаженной коже.

— Нянь такой прекрасный, словно чистый лист. Глядя на эти наивные глаза, так и хочется сделать с ним что-нибудь.

— Жаль, я еще ничего не успел сделать. Если бы вы опоздали хоть на день, как было бы хорошо...

Его сожаление не успело вырваться наружу, так как Чэнь Шо наступил ему на ногу.

Позже семья Чэнь узнала, что этот человек был не только педофилом, но и надругался над множеством маленьких детей.

В течение многих дней после этого маленький Чэнь Нянь запирался в своей комнате. Он инстинктивно съеживался при виде любого незнакомца, а слезные железы после этого случая стали работать слишком активно — стоило ему пережить хоть какую-то обиду, как он тут же начинал плакать.

Семья Чэнь нанимала множества психологов. Лишь спустя несколько лет терапии и гипноза Чэнь Нянь наконец стал выглядеть нормально и даже смог ходить в школу и гулять вместе с Линь Каном.

С взрослением это дело постепенно перестало упоминаться, и все выбрали похоронить его в глубине души.

Так что никто не знал, что именно пережил Чэнь Нянь в тот день.

Знал только сам Чэнь Нянь. По ночам ему иногда снился тот тесный съемный домик.

Он сжимался на кровати, тупо уставившись на следы детских ладоней и тел в углу стены.

Маленький Чэнь Нянь был в слезах: влага скапливалась в глазах, но он не смел дать ей вытечь.

«Нянь, будь послушным, и ты не станешь таким, как они».

Он шмыгнул носом и tiny ручкой вытер слезы.

«Нянь, Нянь очень послушный!»

Похоже, с того времени он стал еще более капризным и полюбил называть себя «Нянь», но, помимо этого, никаких других перемен в нем не произошло.

Он давно не вспоминал об этом событии.

Пальцы слегка шевельнулись, веки затрепетали, но открыть глаза никак не получалось.

Под телом ощущалась мягкость, но исходил от нее легкий запах плесени.

Сознание еще не работало четко. Он медленно вспомнил, что происходило раньше, и только тут понял, что случилось.

Вэй Ляо поднял руку на Няня!

Чэнь Нянь замер, а потом резко сел. Он потерял все еще болящую голову и с трудом открыл глаза, осматривая окружающее.

В комнате стояла тишина, не слышно было абсолютно ничего, кроме его собственного дыхания.

Кожа на щеке откликалась странными ощущениями при повороте головы, а в горле все еще оставалось тяжелое чувство удушья. Он несколько раз сильно кашлянул — голос, действительно, был сиплым.

Пощупав себя, он не обнаружил телефона. Чэнь Нянь повернулся, пытаясь отыскать рюкзак, но темнота в комнате заставила его растеряться.

Чэнь Нянь чувствовал слабость во всех конечностях. Опираясь на стену, он медленно сполз на пол. На ощупь проверяя мебель вокруг и вспоминая планировку дома У Ди, он шаг за шагом двигался в нужном направлении.

Он шел очень медленно и добрался до окна только спустя долгое время. Подняв руку, он отдернул занавеску, но перед глазами предстал не вид на улицу, а такие же доски, как и в гостиной.

Чэнь Нянь не сдавался и полностью отдернул штору — доски, прибитые вразнобой, наглухо закрывали все окно.

Ржавые гвозди крепко держали их, словно множество маленьких глаз, насмехающихся над человеком внутри.

Попробуй убеги.

— Ты говорил мне в прошлый раз, что на затылке Ли Цюаня есть надпись, — Ду Хэн отодвинул полицейскую ленту и первым протиснулся внутрь. Он взял пару белых перчаток и протянул две из них Лю Юй и Фан Ли. Улыбнувшись и кивнув стоявшему рядом полицейскому, он понизил голос:

— Я потом сходил посмотреть: на доске было написано «ученик».

Фан Ли поправила складки на перчатках, обменялась взглядами с Лю Юй, и они обе последовали за Ду Хэном в здание школы.

Средняя школа, расположенная в центре старого района, не могла похвастаться большой территорией, да и инфраструктура была undeveloped.

Проходя по пустой бетонной площадке, Фан Ли первой заметила стену позади учебного корпуса.

В трещинах стен уже вился плющ, и пышная лиана дикого винограда радостно разросась, скрыв большую часть кладки, но на фоне зеленой растительности на серо-белой стене проступали красные граффити, которые бросались в глаза.

Временно оставив любопытство, Фан Ли отвела взгляд и ускорила шаг, чтобы догнать давно ушедших вперед Лю Юй и других.

Ду Хэн не стал сразу открывать дверь класса, а подвел двух напарниц к окну.

Мужчина в полицейской форме стоял прямо. Его черно-белые глаза сейчас были прикованы к узору на стекле:

— Вы... сначала почувствуйте.

— И что тут можно почувствовать? — Лю Юй заколола волосы, косо посмотрела на Ду Хэна и в мыслях ругала его за медлительность. Но, бросив взгляд в окно, в следующую секунду она закрыла рот рукой.

Лю Юй поспешно достала салфетку, отвернулась и несколько раз икнула, заставляя себя сдерживать рвоту. Лишь спустя долгое время она вытерла губы и повернулась обратно; лицо стало заметно бледнее:

— Слишком жестоко.

Ду Хэн с сочувствием посмотрел на нее и кивнул:

— Да.

Каждый раз поза тел была весьма впечатляющей, а ему приходилось видеть всё своими руками каждый раз.

Слишком ужасно.

Два тела в комнате всё еще лежали в прежнем виде, но из-за жары последних дней и того, что они пролежали тут уже двое суток, тело Сюй Фан начало разлагаться.

Особенно в той части, что была прижата к учительскому столу. Даже через слегка мутное стекло Лю Юй видела, как там уже вились целые тучи мух.

— Вы не можете быстрее их забрать? — спросила Лю Юй, всё еще в шоке.

Услышав это, Ду Хэн нахмурился. В голосе прозвучала нотка бессилия:

— По плану сегодня, но выяснилось, что тела вынести нельзя.

Нельзя вынести. Даже одну Сюй Фан придется увозить вместе с учительским столом, не говоря уже о том, что этот стол влит в бетонный пол.

Разве что соскребать их вместе с полом.

Фан Ли оперлась на подоконник и, осматривая обстановку в классе, вдруг спросила:

— Они раньше работали в паре. Так кто из них был классным руководителем — Ли Цюань или Лю Юй?

Ду Хэн хлопнул себя по лбу, вытащил из кармана старую фотографию и, указав на подпись снизу, произнес:

— Ли Цюань.

Фотография немного пожелтела. На ней было запечатлено больше десятка учителей, сидевших в два ряда у входа в класс.

Ду Хэн указал пальцем на одного мужчину в первом ряду, затем на девушку с распущенными волосами в центре заднего ряда и стал читать подпись снизу по слогам:

— Первый ряд — классные руководители, второй ряд — остальные преподаватели.

Значит, согласно подсказке с фотографии, найденной в кармане Ли Цюаня, убийца был учеником того класса, где он был классным.

А стоящая перед ними Лю Юй, вероятно, тоже была учителем, преподававшим тому ученику.

— Я помню, Ли Цюаня однажды арестовывали за избиение ученика, — Фан Ли вернула фотографию. Ее черные глаза повернулись в сторону Сюй Фан в классе. — А Сюй Фан была слишком меркантильной и очень предвзятой к ученикам.

Будучи учителем, её внутренние весы всегда склонялись в сторону учеников из обеспеченных семей.

Сюй Фан кичилась тем, что видела жизнь больших городов, и казалось, что ни один ребенок из старого района не был ей достоин. Даже если успехи были выдающимися, она заявляла, что это списывание или мошенничество.

<http://bllate.org/book/16855/1551677>